

*Известия
Академии наук СССР*

ISSN 0321-172X

**СЕРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ**

6
1990

ПЕРЕХОД К РЫНКУ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 338

© 1990 г.

КОЛОДКО Г. (Польша)

ПОЛЬСКАЯ ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ И СТАБИЛИЗАЦИЯ (1989—1990 гг.)

В статье рассматриваются особенности и формы проявления инфляции в Польше, исследуются положительные и негативные стороны современной стабилизационной политики правительства.

Дуализм инфляции в социалистической экономике

Специфическая черта инфляции в социалистическом обществе — ее дуализм. Он заключается в одновременном существовании явной и скрытой инфляции. Если первая выражается в типичном для рыночного хозяйства росте общего уровня цен, то вторая — в характерном для социалистической экономики дефиците. Это явление, по аналогии с английским термином *stagflation* названное нами *shortageflation* (см. [1]), имеет серьезные последствия для стабилизационной политики, поскольку в ходе ее проведения необходимо не только стабилизировать уровень цен, но и ликвидировать различного рода дефицит. Таким образом, здесь проблема более сложная по сравнению с той, которая имеет место в рыночной экономике, где дефицит, как правило, отсутствует.

Явление *shortageflation* можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, здесь возникает определенная аналогия с альтернативой между инфляцией и безработицей (описывается, в частности, известной кривой Филлипса). В случае централизованной плановой экономики с ее отсутствием безработицы сходная альтернатива касается возможности (и вероятных границ) выбора между явной и скрытой инфляцией, т. е. между уровнем роста цен и величиной дефицита. Альтернатива такого типа, однако, существует только в пределах непродолжительного периода и в отдельных секторах рынка, поскольку в течение более длительного времени и в макроэкономических масштабах дефицит воспроизводится на все более высоком уровне затрат, доходов и цен. Для блокировки этого специфического процесса воспроизведения необходимо осуществление определенных институциональных преобразований в широком смысле этого слова (создание рынка, восстановление товарно-денежного характера экономических отношений), а также внесение соответствующих изменений в текущую экономическую политику, в первую очередь за счет перенесения центра ее тяжести с политики в области цен и доходов (сделав ее либеральной) на жесткую налоговую и денежно-кредитную политику (см. [2]).

С другой стороны, явление *shortageflation* следует рассматривать как процесс одновременного роста ценовой (явной) и скрытой инфляции. В результате мягкой бюджетной политики в отношении хозяйственных субъектов различного рода дефицит увеличивается параллельно с ростом ценовой инфляции. Подобные процессы стали характерной чертой инфляции во второй половине 80-х годов в большинстве социалистических стран, в том числе в Китае и в Советском Союзе.

Именно такой процесс весьма явственно наблюдался в Польше после 1985 г. Как раз начиная с этого момента быстро растет уровень ценовой инфляции (с 15% в 1985 г. до 244% в 1989 г.) при одновременном ускоренном увели-

чении дефицита. Этот сложный парадокс легко поддается объяснению, если сопоставить номинально-стоимостные и физические показатели народного хозяйства. Так, при неуклонном падении темпов роста объемов производства (а в 1989 г.— даже при их абсолютном снижении) и уменьшении объемов предложения на внутреннем рынке систематически (за исключением 1989 г.) номинальные денежные доходы (особенно заработная плата) растут более быстрыми темпами, чем цены. В условиях отсутствия рынка средств производства (рынка капиталов), который мог бы поглотить излишний платежеспособный спрос, состояние экономической несбалансированности углубляется, несмотря на все более быстрый рост цен.

Разумеется, обрисованное здесь явление *shortageflation* нельзя рассматривать таким образом, что экономическая политика имеет возможность произвольного манипулирования попеременно уровнями ценовой и скрытой инфляции, то повышая цены, то увеличивая дефицит со всеми вытекающими отсюда последствиями для распределения продукции, средств производства и рабочей силы. Вместе с тем определенные возможности для регулирования взаимного соотношения между скрытой и явной инфляцией всегда имели место. Нерациональная политика в этой области, однако, при существовавших экономических и структурных условиях и предпосылках в конечном счете вела к росту инфляции в обеих ее видах.

Индукционная гиперинфляция

Предпосылки гиперинфляции в Польше¹ возникли и накапливались уже с начала 1988 г. Инфляция резко ускорилась в результате проведенной в феврале 1988 г. так называемой операции в области цен и доходов (резкое повышение целого ряда государственных цен, с одновременной его компенсацией, в целях ликвидации имевшихся ценовых диспропорций и оздоровления госбюджета). Данная операция, по замыслу ее инициаторов, призвана была облегчить осуществление так называемого второго этапа экономической реформы. Этого, однако, не произошло. Вместо намеченного снижения реальной заработной платы приблизительно на 5—6% она возросла примерно на 13% при минимальном увеличении объема предложения на рынке. Это повлекло за собой дальнейшую дестабилизацию и резко усилило действие инфляционных механизмов (как в результате чрезмерного увеличения производственных издержек на заработную плату, так и вследствие чрезмерного роста платежеспособного спроса). Резко ускорилась ценовая инфляция. Одновременно нарастал объем дефицитов на рынке. Правительство при этом все более утрачивало контроль над инфляционными процессами.

Вторым сильным импульсом в направлении гиперинфляции было быстрое ухудшение состояния госбюджета, в частности вследствие повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Это безусловно ошибочное решение было продиктовано главным образом политическими соображениями (как, впрочем, и множество других экономических решений в Польше) и в очень большой степени способствовало усилению инфляции. Несбалансированность государственного бюджета в 1989 г. усиливалась по многим причинам. Чрезмерно возрастили инфляционные расходы бюджета, особенно на дотации для все более нерентабельных предприятий государственного сектора. С другой стороны,

¹ Употребление термина «гиперинфляция» в отношении инфляционных процессов в Польше в 1989—1990 гг. является спорным. Высокая инфляция продолжалась всего 7 месяцев при среднемесячных темпах около 40%, что в пересчете на годовой период дало бы 5500%. Р. Дорнбуш (см. [3]) определил бы это как мегаинфляцию. Р. Кэган (см. [4]) чисто формально считает, что гиперинфляция — это процесс постоянного роста цен, темпы которого превышают 50% в месяц, а ее преодоление требует снижения этих темпов ниже 50%, по крайней мере, в течение целого следующего года. Я предлагаю, однако, в рассматриваемом контексте употреблять термин «гиперинфляция», учитывая, что в Польше она имела индуцированный характер и отсюда происходила ее скачкообразность, нерегулярность (от 17,7% в декабре 1989 г. до 78,6% в январе 1990 г.) и непродолжительность.

вследствие недостатков существовавшего экономического механизма и низкой налоговой дисциплины реальные доходы госбюджета были ниже запланированных. В середине 1989 г. госбюджет был почти полностью подорван.

Возникновение гиперинфляции в Польше в принципе было предопределено двумя решениями, принятыми во исполнение договоренностей «круглого стола». Речь идет о плохо подготовленном переводе сельского хозяйства страны на рыночные отношения (август 1989 г.), а также о всеобщей системе индексации заработной платы и других доходов, которая была навязана «Солидарностью» по политическим соображениям. Перевод сельского хозяйства на рыночные отношения по сути дела сводился исключительно к свободному образованию розничных цен и торговых наценок на продовольствие без осуществления необходимых мероприятий по демонополизации в сфере материально-технического снабжения сельского хозяйства и в обороте сельскохозяйственной продукции. Указанные мероприятия в решающей степени повлияли на рост цен в августе 1989 г. почти на 40% по сравнению с июлем того же года. На ускорение ценовой инфляции дополнительно наложились последствия полной индексации заработной платы, которая резко увеличила текущий платежеспособный спрос. Первая корректировка порочной и деструктивной системы индексации была осуществлена вскоре после прихода «Солидарности» к власти.

Наряду с вышеуказанными (а также некоторыми другими) причинами гиперинфляции, которые условно можно назвать техническими, на ее возникновение повлияли также предпосылки более общего характера. Прежде всего, можно предположить, что вариант гиперинфляции был выбран сознательно, и этот выбор был обусловлен следующими соображениями.

Во-первых, убежденностью в том, что вызванные гиперинфляцией трудности и лишения усилят готовность общества к неизбежным жертвам и издержкам шоковой стабилизационной терапии.

Во-вторых, убежденностью в том, что выход из гиперинфляции при определенных условиях, которые ожидались в Польше, является относительно более легкой задачей, чем выход из галопирующей инфляции, сопровождаемой дефицитами.

В-третьих, гиперинфляция должна была облегчить (и это произошло) обесценивание имеющихся у хозяйственных субъектов, а также у населения денежных средств, накопление которых привело к излишнему росту платежеспособного спроса.

В-четвертых, вполне обоснованным было предположение, что в условиях гиперинфляции легче снизить уровень реальных доходов населения, хотя этот процесс протекал по-разному в отдельные месяцы.

Наконец, в-пятых, гиперинфляция при наличии достаточных условий ее возникновения, которые мы назвали техническими, была сознательным выбором для переходного периода системных преобразований, ориентированных в направлении рыночных отношений. Именно в таких условиях можно было положить начало необходимым институциональным изменениям, а также выбрать рыночные варианты конкретных экономических решений, которые в иной ситуации даже если и можно было бы осуществить, то только с гораздо большими трудностями. Речь идет, главным образом, о величине дотаций и масштабах перераспределения посредством госбюджета, о введении элементов рынка средств производства (рынка капиталов) и рынка труда, о развертывании процесса приватизации и т. п.

Подытоживая сказанное, можно выдвинуть тезис о том, что *гиперинфляция, возникшая в Польше летом 1989 г., в большой мере была индуцирована*, т. е. искусственно вызвана, поскольку одни лишь технические ее предпосылки, несмотря на рост цен в августе 1989 г., могли быть еще в сентябре 1989 г. устранены или по крайней мере значительно снивелированы. Выбору определенного пути борьбы с инфляцией посредством использования ее самой благоприятствовала также сложившаяся политическая ситуация, и прежде всего совпа-

дение по времени смены правительства и резкого нарастания необычайно сильных инфляционных процессов.

Программа стабилизации

Польскую программу экономической стабилизации, осуществляющую с начала 1990 г., можно считать более или менее удачной попыткой применения ортодоксального метода Международного валютного фонда в условиях Польши. Различные сложности с приспособлением этого инструментария МВФ были связаны главным образом с учетом фактора глубокой экономической несбалансированности, в особенности наличия разного рода дефицитов. Помимо всего прочего принятие программы было условием подписания кредитного соглашения между Польшей и МВФ со всеми вытекающими отсюда последствиями для валютно-финансовых отношений Польши с Западом.

При этом следует подчеркнуть, что пакет экономических мер правительства Т. Мазовецкого в большей мере является продолжением мероприятий, осуществляющихся ранее. Принципиальные отличия имеют не столько экономический, сколько политический характер, причем как во внутренних, так и во внешних аспектах. Действительно, прежде всего изменилась политическая ситуация. И то, что прежде нельзя было себе представить, в настоящее время становится вполне возможным. Новое руководство страны пользуется огромной общественной поддержкой, что позволило начать осуществление трудной экономической программы. В то же время это создало опасность перегибов в форме проведения излишне жесткой финансовой политики.

С точки зрения внешних факторов решительно изменилось отношение Запада к Польше. Он выразил твердую поддержку направления и темпов польских реформ. Крайне важно, что по-иному стала выглядеть проблема польской задолженности. Прежде всего, МВФ отказался от требования обеспечить сбалансированность по текущим платежам в течение 2 лет, согласившись, что приоритет следует отдать достижению внутренней экономической сбалансированности. В этой связи существенно изменилась ситуация с внешними поступлениями валюты. Вместо ежегодного оттока валюты из Польши, составлявшего в последние годы около 1,5—2 млрд. долл., в 1990 г. можно рассчитывать на приток валютных средств порядка 2 млрд. долл.

Короче говоря, осуществление жесткой экономической программы было обеспечено, с одной стороны, согласием общества на сильнодействующую терапию, которая резко снизила реальную заработную плату и уровень жизни в целом, а с другой — поддержкой Запада. В такой обстановке, после немногих месяцев подготовки, в январе 1990 г. началась реализация стабилизационной программы. Рассмотрим основные аспекты, а также некоторые предварительные результаты.

Для государственного бюджета первоначальные последствия осуществления стабилизационной программы можно свести к следующему. Повысилась налоговая дисциплина. Подверглись существенному ограничению госбюджетные дотации, в первую очередь для нерентабельных предприятий. Сократились масштабы перераспределения доходов через госбюджет. В то же время не было достигнуто существенной экономии по статьям правительственных расходов бюджета. В целом на середину 1990 г. госбюджет был сбалансирован. Следует, однако, подчеркнуть, что большую угрозу для его сбалансированности и для решения проблемы инфляции несет с собой наблюдающийся глубокий экономический спад. Угроза эта имеет два аспекта. Во-первых, сокращаются бюджетные поступления от подоходного налога с хозяйственных субъектов. Во-вторых, связанная с экономическим спадом нарастающая безработица должна повлечь за собой большие, выше запланированных, расходы госбюджета. По моему мнению, эти, хотя и неизбежные, побочные результаты шоковой антиинфляционной терапии могли бы быть не столь угрожающими, если бы были правильно подобраны определенные стабилизаторы, прежде всего банковские процентные ставки

и показатели снижения реальной заработной платы. Опасение того, что эти стабилизаторы будут недостаточно жесткими, а потому неэффективными, склонило правительство к перегибу в другую сторону, в сторону более жестких мер. В этом смысле наступил как бы «перегрев» в реализации экономической программы.

В области ценообразования вызывают беспокойство неудовлетворительные результаты попытки улучшения ценовых пропорций. Более быстрый по сравнению с запланированным общий рост цен привел к тому, что реальное повышение цен на энергию и энергоносители было ниже намеченного программой. Это повлекло за собой необходимость последующих корректировок цен энергоносителей. Нельзя также однозначно позитивно оценить другие изменения в структуре цен, поскольку на нынешнем первоначальном этапе осуществления стабилизационной программы почти все цены по-прежнему носят затратный характер, что, впрочем, отчасти и предполагалось.

После взрывного скачка цен в январе 1990 г. (на 78,6%) рост цен на потребительские товары и услуги резко замедлился. В феврале он составил 23,9%, а в марте — 4,7%. К сожалению, в последующем темпы этого роста несколько возросли: в апреле — на 8,1%, в мае — на 5,0%. Можно назвать несколько причин возникновения такой тенденции, но главный, пожалуй, вывод заключается в том, что инфляцию нельзя преодолеть без использования инструментов денежно-финансового регулирования.

Одним из основных инструментов реализации стабилизационной программы является банковская процентная ставка. Предполагалось, что в I квартале 1990 г. она должна как можно меньше отставать от темпов инфляции. В результате на январь была установлена базовая банковская ставка в размере 36% в месяц (разумеется, при соответствующей ее дифференциации для различных видов кредитов и депозитов). Однако, как уже упоминалось, темпы инфляции в январе были намного выше. В итоге банковская ставка практически имела большую отрицательную величину. Тем не менее она была достаточно или даже слишком велика, во-первых, для того, чтобы радикально уменьшить спрос на кредит как со стороны предприятий, так и со стороны населения. Во-вторых, она была достаточно велика, чтобы стимулировать накопление свободных денежных средств в польских злотых, а не в конвертируемой валюте. Установление более высокой процентной ставки не смогло бы принести дополнительно никаких положительных результатов, в то же время это могло бы повлечь за собой более глубокий экономический спад. В феврале в связи с предполагавшимся ростом цен порядка 20—25% базовая процентная ставка была установлена в размере 20%. Таким образом, в реальном измерении (в сопоставлении с ростом цен) она имела небольшую отрицательную величину. Вместе с тем она была достаточно высока и по-прежнему способствовала развитию тенденции к экономическому спаду.

Оценивая в целом влияние жесткой кредитно-финансовой политики на осуществление стабилизационной программы, можно констатировать, что, во-первых, она принесла ожидаемые эффекты в области снижения платежеспособного спроса на товары и одновременно несколько увеличила спрос на польские злотые относительно спроса на конвертируемую валюту. Во-вторых, она вызвала слишком глубокий экономический спад. В-третьих, продолжалось довольно быстрое обесценивание денежных накоплений населения, и падение платежеспособного спроса было слишком большим, что, в частности, обуславливает нехватку денежных средств у населения для осуществления программы приватизации.

В области заработной платы система ее индексации, предусмотренная стабилизационной программой, безусловно имеет очень жесткий ограничительный, антиинфляционный характер. В относительно короткий период времени эта система, несомненно, оказывает стабилизирующее действие. Однако в более продолжительный период ее влияние является явно дестимулирующим, препятст-

вующим росту объема предложения на рынке, т. е. способствующим инфляции. Кроме того, серьезный ее порок — это одинаковое, в принципе, отношение ко всем предприятиям, независимо от их производственных показателей. Хуже всего, что жесткие ограничения в области заработной платы в первую очередь ударили по предприятиям, которые производили товары для относительно сбалансированных секторов внутреннего рынка, поскольку именно в этих секторах барьер платежеспособного спроса возник раньше.

Политика, проводимая в области заработной платы, не способствовала также желаемому улучшению ее пропорций между отраслями и отдельными категориями занятых, поскольку заработка плата всюду изменилась в одинаковом темпе и в одинаковых направлениях. Необходимые в будущем корректировки указанных пропорций неизбежно будут способствовать инфляции.

Предварительная оценка стабилизационной программы

Реализации стабилизационной программы правительства Т. Мазовецкого трудно дать положительную оценку. По прошествии нескольких месяцев ее осуществления состояние национальной экономики далеко не соответствует ни общественным ожиданиям (что можно было предвидеть), ни политическим обещаниям, которые со своей стороны вызвали излишний рост этих ожиданий. В особенности следует указать следующие области, в которых реализация программы потерпела неудачу.

Во-первых, сильно запаздывает осуществление основных целей программы в области системных преобразований. Прежде всего, до настоящего времени не начал реально работать механизм преобразования структуры собственности. Возможности проведения так называемой малой приватизации (распродажа в частную собственность мелких производственных и торговых предприятий) в значительной мере сузились в связи с чрезмерным ограничением денежных доходов и накоплений населения вследствие их фактической инфляционной конфискации. Между тем такой конфискации можно было бы избежать, поскольку чрезмерный прирост денежных доходов и накоплений населения в большей степени был ограничен еще в 1989 г., а его полную нейтрализацию в 1990 г. можно было произвести путем распродажи различного рода государственных активов. Кроме того, в результате ошибочных решений была упущена возможность конституирования, институционализации внутреннего государственного долга. Прежде он выступал в форме так называемого инфляционного народа, а по сути дела это была «нецивилизованная» форма внутреннего долга, возникавшего в результате вынужденных денежных накоплений населения, а не его добровольных сбережений. Данная проблема могла быть частично решена путем замены денежных излишков населения на долевое участие в приватизируемых предприятиях. Достижению этого призвана была служить эмиссия государственных облигаций в целях осуществления приватизации. Однако отсутствие вторичного рынка ценных бумаг, отсутствие ясности в отношении последующих возможностей приобретения акций, опасения селективного погашения нереализованных облигаций после 1994 г. обусловили низкую заинтересованность населения в указанных облигациях, несмотря на самые высокие проценты по сравнению с любыми другими вложениями денежных средств на вновь формирующемся финансовом рынке².

Во-вторых, политика стабилизации не использовала возможностей, возникших в результате наметившейся в IV квартале 1989 г. тенденции к снижению уровня инфляции в обеих ее формах. В тот период явно уменьшилась как ценовая, так и ресурсная инфляция (снизилась чрезмерная платежеспособность предприятий и населения, ослабли различного рода дефициты).

В-третьих, было явно недооценено то обстоятельство, что процесс приспособления хозяйственных субъектов, особенно производственных предприятий,

² Миллион злотых, вложенный в конце 1989 г., к концу I квартала 1990 г. имел следующую номинальную стоимость (с учетом процентов, премий по облигациям и изменений валютного курса): 2,486 млн. при вложении его в облигации, 1,277 млн.— при 3-месячном срочном вкладе в сберегательном банке; 1,06 млн.— при обмене на доллары и вложении на валютный счет.

к новым условиям их деятельности первоначально будет носить исключительно нерыночный характер. Это означает, с одной стороны, сохраняющееся преобладание затратного типа цен, а с другой — самоограничение объемов производства в условиях падения реального спроса. Вследствие подобного типа адаптационных процессов цели экономической политики правительства и, в частности, программы стабилизации просто не могли быть достигнуты. Прежде всего, уже изначально были иллюзорными такие цели, как инфляция на уровне 1% в месяц на июнь 1990 г., падение объемов промышленного производства на 5% за год, а валового национального продукта — на 3,1%, снижение уровня потребления на душу населения на 1% при сокращении реальной заработной платы примерно на 20%. В сложившихся обстоятельствах лишь последний показатель может оставаться ориентиром экономической политики.

В-четвертых, значительно более высокий по сравнению с намечавшимся уровень так называемой коррекционной инфляции в январе и феврале, а также ее отголоски в апреле и мае повлекли за собой такое инфляционное перераспределение доходов и накоплений, которое намного превзошло предположения правительства, с одной стороны, а с другой — было больше необходимого с точки зрения стабилизационных мероприятий.

В-пятых, « побочный » эффект стабилизационных мероприятий в форме реальных процессов и особенно в форме исключительно глубокого спада производства должен быть оценен однозначно негативно. Падение объемов промышленного производства в первом полугодии 1990 г. примерно на 30% нельзя считать приемлемыми издержками программы стабилизации даже в случае ее успеха. Экономический спад скорее демонстрирует неудачу программы, поскольку в значительной мере он оказался бесполезным, бесплодным. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что экономический спад не сопровождался ликвидацией самых неэффективных предприятий и, соответственно, целесообразным изменением структуры производства. Более того, экономический спад в наибольшей степени охватил отрасли группы Б, выпускающие потребительские товары. Таким образом, с рынка исчезли не те виды изделий, производство которых более всего обременяет государственный бюджет и экономику в целом, а та продукция, в сохранении которой во многих случаях рынок особенно заинтересован (прежде всего, некоторых отраслей пищевой и легкой промышленности).

В-шестых, главная цель политики стабилизации — снижение уровня инфляции в первой половине 1990 г. до 1% в месяц — не была и не могла быть достигнута в сложившихся структурных и системных условиях. Это была слишком смелая задача. Еще в начале дискуссии по программе экономической стабилизации я назвал подобные оптимистические планы устранения инфляции за короткий срок проявлением безответственности и недостатка воображения (см. [5]). Можно, разумеется, на одном из очередных этапов прибегнуть к методам замораживания цен, доходов и т. п. Но они, как известно, противоречат новым принципам экономической и политической системы. Хуже всего, что ценовая инфляция стабилизировалась, причем на самом высоком уровне в Европе. Придется приложить немало усилий, чтобы подобная «стабилизация» продолжалась как можно короче. Среднемесячный индекс цен в марте — мае 1990 г. составил около 6%, что в целом за год дало бы 100% роста цен. Можно добавить что в апреле 1990 г. уровень инфляции был примерно таким же, каким и в первом полугодии 1989 г. (8,1% по сравнению с 8,3%). Различие заключается, однако, в том, что в 1990 г. объем промышленного производства был ниже на 30%.

Все вышеперечисленные негативные процессы следует, разумеется, рассматривать на фоне положительного результата осуществления стабилизационной программы и системных преобразований, каким является уменьшение (но отнюдь не ликвидация!) различного рода дефицитов, причем на всех рынках: на потребительском, сырьевом и инвестиционном.

Весьма позитивным результатом осуществляющейся стабилизационной политики является поддержание в течение полугода стабильного банковского (офи-

циального) курса польского золотого к американскому доллару при незначительных отклонениях от него рыночного курса. Хотя это оказалось неоднозначное влияние на различные сферы экономики (в особенности на внешнюю торговлю, торговый и платежный баланс), стабильность валютного курса, несомненно, положительно ограничивает инфляционные ожидания хозяйственных субъектов (т. е. их нежелательные действия, рассчитанные на рост цен), способствуя процессу стабилизации всей социально-экономической системы.

Таким образом, реализация экономической программы правительства Т. Мазовецкого свидетельствует, что при альтернативном выборе между одноразовой терапией (не путать с шоковой) и постепенными преобразованиями предпочтительнее выбрать постепенность. Следует при этом подчеркнуть, что *постепенность не исключает шокового воздействия на болевые точки системы, на отдельные структуры и на поведение хозяйственных субъектов*. Нельзя, однако, как это многим предлагается, решить слишком большое число проблем сразу или же за очень короткий период. Впрочем, сама жизнь и опыт осуществления экономической программы правительства Т. Мазовецкого за последние месяцы неоспоримо свидетельствуют о том, что необходим второй (а может быть, очередной из многих) шаг в направлении стабилизации и одновременного преобразования польской экономики в рыночную. Остается только пожалеть, что за такой вывод приходится заплатить высокую цену социальных издержек, которые могли бы быть намного меньше.

«Вторая скорость» стабилизации

В свете накопленного опыта реализации экономической программы правительства Т. Мазовецкого и вытекающих из него выводов становится очевидным, что необходимо «переключить скорость», на которой движется экономика, ни в коем случае не изменяя при этом основного, «рыночного» направления институционально-организационных, структурных и политических преобразований всего народного хозяйства. Сутью перехода на другую скорость, на другие обороты должна быть *активная интервенционная политика государства, нацеленная на структурные преобразования в целях увеличения объема предложения товаров на рынке*. В противном случае экономика может находиться в состоянии затянувшейся депрессии, а условия для устойчивой стабилизации не смогут быть созданы, если экономика не возобновит свою способность к росту. Нельзя по-прежнему пребывать в иллюзии, что проблемы структурных изменений и оживления конъюнктуры рынок решит сам по себе. Тому имеется две основные причины. Во-первых, рынок в современном мире не сделал этого нигде, даже там, где он вполне развитой и зрелый. Во-вторых, в Польше рыночные механизмы едва лишь формируются. Они должны быть поддержаны разумным государственным вмешательством. В отдельных случаях подобный интервенционизм (вопреки официальным заявлениям) имеет место.

Особая трудность проведения стабилизационной политики на «второй скорости» заключается в разрешении острого противоречия между экономическим спадом и инфляцией. Типичная для предшествующего периода альтернатива: явная (ценовая) инфляция или скрытая (дефицит) — в настоящее время заменена (и это является серьезным достижением экономической политики) дилеммой: как активизировать экономический рост, избегая депрессии (или даже дальнейшего спада) без очередного ускорения ценовой инфляции (либо возникновения дефицитов)? В связи с этими вопросами вырисовываются несколько предложений.

Во-первых, на «второй скорости» стабилизационной политики и внутренне связанных с нею системных и структурных преобразований не следует слишком далеко заходить в деле ограничения ценовой инфляции. Представляется, что сведение ценовой инфляции до уровня около 2% в месяц (т. е. 26,8% в год) при одновременном поддержании тенденции к формированию цен, оздоровляющих рынок (ликвидация дефицита), является вполне достаточной целью на

период борьбы с инфляцией. В противном случае (например, если задаться целью добиться 1% в месяц) ограничительная политика должна быть намного жестче и будет способствовать тенденциям к экономическому спаду, что несет угрозу дальнейшей деструкции производства.

Рудигер Дорнбуш [3] вполне обоснованно считает, что достижение нулевого уровня инфляции для стран, пытающихся преодолеть гипер- или мегаинфляцию, нереально. Это может привести к такому глубокому спаду, что он в свою очередь становится инфляционным фактором и может свести на нет все усилия по стабилизации. Можно добавить, что, как и в Польше, в Югославии также были приняты нереальные цели по ограничению инфляции. Там она должна была снижаться до 1% в месяц в среднем на протяжении года. В действительности в первые 3 месяца 1990 г. (после гиперинфляционного показателя 64% в декабре 1989 г.) темпы инфляции составили соответственно 17,3; 8,4 и 2,6%. Во Вьетнаме аналогичная цель была сформулирована значительно более реалистично: 2% в месяц. В свою очередь в Мексике, которая намного дальше продвинулась по пути стабилизации, годовые темпы инфляции на 1990 г. намечены на уровне 15,3%, т. е. 1,2% в среднем за месяц.

Во-вторых, экономическое оживление должно стимулироваться главным образом за счет активизации инвестиционной деятельности. Только инвестиции могут способствовать реальным структурным преобразованиям антиинфляционного характера. Без новых инвестиций нельзя упрочить тенденцию к экономическому росту. Стимулирование инвестиций должно осуществляться, в частности, путем смягчения налоговой политики и особенно за счет увязки с преобразованиями в структуре собственности.

В-третьих, монетарная (денежно-кредитная) политика благодаря своим жестким ограничениям (рестрикциям) должна оставаться основным элементом стабилизационных мероприятий. В переходный период, однако, пока не обеспечена устойчивая стабилизация, проценты по банковским вкладам населения должны быть выше процентов за кредит. Только в этом случае можно рассчитывать на существенное повышение склонности населения к увеличению своих сбережений. Иначе трудно будет себе представить рост эффективных инвестиций без увеличения темпов инфляции, поскольку на иностранную помощь можно рассчитывать только в ограниченных масштабах. Особенно важным в этом деле я считаю высокие реальные (за вычетом инфляции) проценты по кратко- и среднесрочным вкладам. Одной из серьезных ошибок проводимой политики в области банковского процента была недооценка трех- и шестимесячных вкладов. Между тем при осуществлении активных, жестких стабилизационных мероприятий квартал и тем более полугодие являются длительным периодом. Проценты по банковским вкладам населения должны сравняться с базовыми кредитными ставками не в отношении годовых и более длительных сроков, а уже в отношении трехмесячных вкладов. Такие действия, очевидно, будут одновременно способствовать относительному ограничению платежеспособного спроса населения (без необходимости ограничения его реальных доходов) и росту инвестиционного спроса (без увеличения инфляции), нацеленного на увеличение объемов производства в последующий период. Лишь на более позднем этапе следует перейти к такому положению, когда проценты по кредитам будут превышать проценты по вкладам населения, причем обе процентные ставки должны превышать темпы инфляции.

В-четвертых, в условиях возросшего стремления населения к увеличению сбережений станет возможным (при продолжении жесткой налоговой и денежно-кредитной политики) снять антимонопольные ограничения в отношении заработной платы и устранить связанные с этим аномалии, например, ограниченные возможности частного сектора по трудуоустройству работников, высвобождаемых в государственном секторе. Сохраняющееся лимитирование прироста заработной платы в настоящее время ведет в первую очередь к экономическому спаду и дальнейшему снижению уровня реальных доходов, но не к торможению инфляционных процессов. Политике в области заработной платы сле-

дует придать значительно большую гибкость путем ее либерализации, что должно способствовать (при соблюдении вышеназванных условий) увеличению предложения товаров на внутреннем рынке.

В-пятых, следует *постепенно* продолжать процесс либерализации цен. Главное заключается в том, чтобы цены росли как можно медленнее и одновременно оздоровляли бы рынок. Только потом следует ликвидировать сохраняющиеся еще дотации, которые не будут вызывать инфляцию до тех пор, пока госбюджет остается сбалансированным.

В-шестых, требует большой гибкости курсовая политика. По моему мнению, высокая, все еще сохраняющаяся инфляция в определенной степени является следствием привязки устойчивого, единого валютного курса к американскому доллару. Принимая во внимание связанный с этим курсовой риск, а также структуру польской внешней торговли и платежного баланса, представляется более целесообразным осуществить, например, во время неизбежных корректировок курса его привязку к корзине валют (например, к ЭКЮ), что более адекватно отразило бы структуру внешнеэкономических связей Польши. Это одновременно в значительно меньшей степени будет вызывать привносимую через импорт затратную инфляцию.

В-седьмых, следует последовательно создавать предпосылки для развития конкуренции. Ограждение экономики кордоном из высоких пошлин на импорт по сути дела создает прямо противоположную ситуацию. Польские производители по-прежнему очень часто находятся в комфортном положении монополиста, которое могло бы быть подорвано конкурентоспособным импортом. Классическим примером могут здесь служить автомобильная промышленность и производство бытовой электронной техники. В такой ситуации представляется вполне обоснованным решительное снижение, а в некоторых случаях даже полная отмена таможенных пошлин, а также дальнейшая либерализация в области внешней торговли. Только при таких условиях придание экономике более открытого характера может принести положительные результаты в виде экономического роста. Опасность усиленного оттока валюты из страны, что могло бы нарушить устойчивость валютного курса как одного из важнейших стабилизационных факторов, представляется преувеличенной. В пользу этой точки зрения свидетельствует то, что в условиях большой либерализации внешней торговли (в том числе в ее частном секторе) должен ускориться оборот валюты, но не обязательно произойдет увеличение ее оттока за границу.

Таким образом, в свете вышеприведенных рассуждений вырисовываются необходимые экономические, политические и структурные изменения, которые должны составить «вторую скорость» стабилизации. Экономическая ситуация в Польше достаточно сложна, чтобы можно было утверждать о необходимости проведения именно в данный момент мероприятий по борьбе с инфляцией и по достижению экономической сбалансированности. Экономические процессы непрерывны, и этого не в силах изменить даже наиболее радикальный подход по принципу «сейчас или никогда» либо «все или ничего». Дело в том, что, наверное, правильным будет принцип: «сейчас, но, безусловно, не все». И это вполне объяснимо, поскольку нынешняя стабилизационная политика, с одной стороны, продолжает предшествующую политику, а с другой — закладывает начало тех процессов, с которыми придется иметь дело в будущем.

Список литературы

1. Kotodko G. W., McMahon W. W. Stagflation and Shortageflation. A Comparative Approach // *Kyklos*. 1987. V. 40. Fasc. 2. P. 176—197.
2. Kotodko G. W. Inflacja, reforma, stabilizacja. Warszawa: Alma-Press, 1990.
3. Dornbusch R. Experience with Extreme Monetary Instability // MIT, Cambridge, Mass. 1990.
4. Cagan P. The Monetary Dynamics of Hyperinflation // Studies in the Quantity Theory of Money / Ed. Friedman M. Chicago: Univ. Chicago Press. 1956.
5. Kotodko G. W., Sachs J. The Patient is Ready. The Warsaw Voice. 1989. 24 December.